

ПРОЛОГ

В лесу пахло сыростью, дубовой корой и снегом, что блестел на вершинах гор, обнимаемых солнцем. Лоснящаяся трава щекотала лодыжки, мокрая и отрезвляющая. Только раз в год ей позволяли покидать пределы башни — то был подарок на день рождения, который она не обменяла бы ни на какие драгоценности и игрушки. За стенами башни воздух казался ей слаще сахарной ваты. Она упивалась им, пыталась вобрать в себя весь без остатка.

Несмотря на то что каждый день рождения был гнетущим ожиданием вечера, накануне она всю ночь ворочалась в постели вовсе не от ужаса, а от трепета. Лежала с открытыми глазами, отсчитывая минуты, когда щелкнет дверной замок и няня позовет ее выйти. Этот день заслуживал лучшего наряда: нежное бирюзовое платье напоминало о недосыгаемом небе, а перья, вплетенные в волосы, о свободе, которой у нее никогда не было.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как она узнала, насколько необъятен этот мир. По сравнению с ним ее комнатка казалась спичечным коробком. Танцую в бликах музыкального торшера, она часто представляла себе, какого это — сбежать. На нее никогда не накладывали чар, не надевали путы: отец твердо знал, что она не решится на побег, не оставит их прозябать, слишком преданная своей семье. К сожалению, он был прав.

краем глаза любовалась изумрудным лесом. Ферн мысленно прощалась с ним до следующего года. Скоро все вокруг накроет тьма: она придет следом за болью, когда та сделается совсем невыносимой, и подарит Ферн сладкое забытье. Но сначала...

Сначала надо терпеть. Ради ковена. Ради папы.

— Что же, — протянул Марк, раскалив острие скальпеля над огнем, а затем щедро сдобрив его толченой солью. — Пора петь, дочка.

Ферн зажмурилась, выдавливая из себя первый куплет:

— *Ты дверь открой туда, где в темноте мой сад цветет — пусть ему рассвет сплет. Это место только для двоих, но мороз здесь все убил. Розы гибнут на ветру — тебе я силу отдаю.*

Багровая змейка, пустившаяся в пляс по молочной коже. Ровное течение песни. Чудом сдержанные рыдания, сотрясающие грудную клетку. Марк с хирургической точностью вырезал маленький лоскут под ее лопаткой, отогнул его, как обертку, а затем протолкнул скальпель вглубь. У Ферн закатились глаза. Марк держал ее за шею, но она даже не пыталась вырваться. Ее тонкие пальцы раздирали влажную землю, как отец раздирал ее саму.

— *Пусть плоть болит, пусть кровь бежит — песнь все заморожит. Сиянию сердце отвори, дай моей любви в тебя войти. Она наполнит чашу до краев — ты выпьешь и цветущий сад спасешь.*

Марк сделал последний надрез и отложил скальпель. Крови набежало достаточно: если бы няня, суетящаяся рядом, не прикладывала к ее спине целебные припарки, Ферн бы уже давно потеряла сознание. Но запах полыни и неразборчивый шепот Марка удерживали ее на грани обморока, не позволяя все испортить, прервав священное таинство.

Голос сорвался, но Ферн допела:

— *Твой век моя магия продлит, и розы расцветут в прекрасный миг.*

Марк взял щипцы, осторожно снял вырезанный кусочек плоти и положил его на свой медальон, позволяя Ферн завалиться на бок, чтобы найти утешение в холоде и беспмятстве.

Песнь подействовала. Кровь, залившая руки Марка, светилась: он никогда не надевал перчатки, ему хотелось вобрать ее магию до последней капли. Скарабей сиял: впитав боль и силу, что жила в каждой клеточке тела истинной Верховной, он раскалился в руках Марка добела. Из медальона, как из колодца, магию можно было черпать еще целое десятилетие, но едва ли Марку с его аппетитами хватит ее и на год.

Теперь рядом с двенадцатью одинаковыми шрамами на спине заживал еще один — безобразный, как и этот ритуал. Скоро на спине Ферн не останется места, и тогда Марк перейдет на ее плечи, затем на руки, а после на грудь и живот. Она была рождена, чтобы страдать во имя ковена, и отлично справлялась со своей задачей.

Это был ее тринадцатый день рождения, и ей предстояло провести так еще сто двадцать лет.

I НЕПРИКЛАННЫЙ

Сегодня был последний раз, когда я кромсал лишь деревянный манекен, а не живую плоть. Наставник подошел и вложил мне в ладонь навахон. С палисандровой рукоятью, меч будто становился продолжением руки. Я навсегда запомню его сокрушительную тяжесть, которую мог бы обрушить на любого в любой момент. А еще я запомню слова, от которых меня замутило.

«Теперь ты будешь делать то же самое, но только с живыми ведьмами, сынок. Ты быстро втянешься. Это в твоей крови».

Не понимаю... Что такого страшного способна сотворить магия, чего еще не творили мы?

На закате Руфус поведет охоту. Ходят слухи, что часть колумбийского ковена уцелела и теперь прячется в Гринвилле. Ведьм пять или шесть, не больше, и половина из них дети.

Смогу ли я сделать это? Смогу. Но смогу ли жить с этим после как ни в чем не бывало?

После обеда ко мне подошла Лисса. От нее всегда пахнет овсяным печеньем. В этот раз она протянула мне пару штук. Говорит, что тоже скучает по своей ферме в Тарберте. У нас с ней много общего. Лиссе дали короткий танто из дамаска. Я спросил ее, почему мы обязаны делать это. Она ответила, что это неправда: мы вовсе не обязаны на самом-то

деле. Дэрил сделал вид, что ничего не услышал, но лучше ей впредь не говорить такое. По крайней мере, при остальных.

Завтра меня ждет ужасный день, но, клянусь, вечером я поцелую Лиссу. Я наконец-то сделаю это! Надеюсь отделаться пощечиной, а не сломанной челюстью, хотя это как повезет. Руфус говорит, я нравлюсь Лиссе, но, по-моему, ей нравится только печенье. Я не должен думать об этом сейчас... Однако легче думать об этом, чем о завтрашнем дне.

Благослови Господь наши души. И души ведьм тоже, если они у них есть.

Я перелистнула страницу и, вложив бархатную закладку, закрыла дневник. В кожаной обложке, он выглядел потрепанным, повывавшим многое на своем веку. Первая запись была сделана за десять лет до моего рождения, и местами чернила расплылись — кое-что прочесть было уже невозможно. Но эмоционально читать дневник было куда тяжелее.

— Прости, что тебе приходится делать это, — сказал Коул, поглаживая мои ноги, лежащие на его коленях. — Я даже представить не могу, что чувствует ведьма, читая о геноциде других ведьм. Если хочешь, могу попросить Ги-деона...

— Все нормально, Коул, — завершила я, выдавив улыбку. — Конечно, закажи мы все-таки пиццу, дело бы шло куда веселее, но... Мои глаза — твои глаза. Я буду читать тебе столько, сколько захочешь. К тому же мне и самой любопытно. Кажется, твой отец был неплохим парнем. А Лисса — твоя мама, верно?

Коул кивнул, задумчиво повернувшись к далеким серым волнам, бьющимся о песчаный берег, будто мог видеть их. Его глаза успели зажить за эти месяцы, но карие радужки и темные зрачки засеребрились. Снежная пелена, потушившая огонь и не оставившая тепла.

Темно-кофейные кудри, подстриженные неделю назад навещавшим нас Гидеоном, спутались из-за рьяного бриза. Коул охотно подставлял ветру лицо: в последнее время он редко покидал пределы дома, из-за чего кожа его выцвела, утратив жизнерадостный румянец и львиную долю веснушек. Он похудел, часто отказываясь от еды, точно тигр, медленно чахнувший в неволе. Скулы заострились, безукоризненно гладкие: никогда бы не подумала, что смогу достичь таких высот в мужском бритье!

Прохладные пальцы Коула очертили линию моей челюсти, возвращая в реальность, и я придвинулась ближе, сменяя плед, которым была накрыта холодная скамья.

— Где вы сейчас? — спросил он.

Я вздохнула и, спустив ноги на землю, прислонилась к его плечу.

— На пути в Филадельфию. Зои уже должна быть в часе езды от города. *Видение* снова направляет ее.

— Значит, чистка помогла?

— Ну, после пятнадцати попыток... — протянула я, вспоминая и ванны при лунном свете, и очищение воском, и даже заговоренных пиявок. — Не знаю, что именно сработало, но обезвреживающие чары Ферн спали. Чуйка Зои снова в деле! Надеюсь, она окажется эффективнее, чем мои руны, но в этот раз они единодушно направляют нас в одно и то же место. Это определенно должен быть кто-то особенный.

Коул ласково собрал в хвост мои волосы — темно-русые, почти цвета латте, — чтобы они не лезли ему в лицо от ветра, и наклонился, ища мои губы. Его глаза рефлекторно следовали за звуком моего голоса. Я приложила ладонь Коула к своей щеке и потянулась навстречу.

— А что потом? — спросил он, вдруг передумав целовать меня и нахмурившись. — Ты вернешься домой?

— Ну, если этот колдун согласится...

— Так это колдун? Не ведьма?

— Зои утверждает, что колдун. Так вот, если он примкнет к ковену... Нас будет трое.

— И что с того?

— Я смогу воспроизвести ритуал Авроры, войти в Нью-Йорк и отобрать Вестники назад.

Коул переменился в лице. Слепота будто лишила его контроля над мимикой: теперь он невольно выражал даже те эмоции, которые надеялся спрятать на глубине. Например, страх и гнев, когда я снова заговорила об этом.

— Отобрать Вестники у ковена враждебных ведьм?! Мы ведь обсуждали! Даже если у тебя получится снять барьер, это все равно не...

— Я знаю, что делаю, Коул. — Я мягко остановила его, прижимаясь вплотную и заставляя жадно вздохнуть. — Доверься мне. Я делаю это не только ради Вестников... Возможно, в ковене Авроры найдется целительница.

— Даже если и найдется, едва ли она сможет меня вылечить, — хмыкнул Коул мрачно. — Я все еще охотник. Магия на меня не действует.

— Уже действует — *моя*. Мы же связаны, — напомнила я, растирая пальцами метку на своем запястье. — Нужно лишь освоить дар исцеления, и я вылечу тебя сама...

— Ты обещала не заикливаться на этом, Одри. Твоя первоочередная задача — восстановить ковен, чтобы дать отпор Ферн. Мы не знаем, когда она вернется. Нельзя быть такой разборчивой, отказывая ведьмам, которые не обладают даром целительства... Три месяца прошло, а ты так никого и не привела.

— Вообще-то кандидаты сами отказывали мне. — Я потянулась к фарфоровой чашке на столике: мятный чай все еще дымился. — Впрочем, я ничуть не жалею об этом. Они все бестолковые! Самоучки, знающие о магии разве что из интернет-форумов. Мне же нужны сильнейшие.

Я сделала глоток, молясь, чтобы новый колдун оказался тем самым — целителем, которого днем с огнем не сыщешь.

Этот редчайший дар — последняя надежда, что у нас осталась, после того как все магические порошки были перепробованы, и даже традиционная медицина оказались бессильна. Рубцы на роговице и выжженные зрительные нервы, которые невозможно восстановить, — такой диагноз поставил приглашенный доктор Стюарт. Это его Коул ежегодно подкупал на медкомиссиях, чтобы оставаться в рядах полиции. Однако такие подкупы остались в прошлом: как только в участке прознали о травме Коула, его тут же отправили в «безвременный отпуск», что было сродни неофициальному увольнению. Лишь благодаря тому, что Сэму удалось представить слепоту Коула как «ранение на дежурстве», он продолжал получать солидные выплаты по страховке. Но, разумеется, никакие деньги не могли заменить ему дело всей жизни.

Чтобы виртуозно освоить дар исцеления самостоятельно, по гримуару, мне бы потребовались годы. Коул не мог так долго ждать, да и чувство вины мешало мне сосредоточиться. Я не могла провести на одном месте и часа, не говоря уже о том, чтобы закопаться в книгах и зазубривать аффирмации. Утешение для меня нашлось в безустанном поиске. Беспокойный сон, постоянные путешествия и по десять новых знакомств в день — лишь бы найти хоть какое-нибудь доказательство, что эффект от мэцубуси обратим.

— Как ты узнала способ снять барьер с Нью-Йорка? — вдруг спросил Коул. — Это ведь древняя и сложная практика, которую Аврора вписала в... Стоп... Секунду. — Коул вспыхнул, даже не удосужившись выслушать мое оправдание. Впрочем, ему все было ясно и так. — Шепчущая глава Авроры опасна, Одри! Ты же говорила, что она основывается на жертвоприношениях, что это воплощение кровавой стороны колдовства... — забормотал он, распалившись лишь больше от моего гнетущего молчания.

— Это исключительно ради дела! И кстати. — Я выпрямилась, со звоном вернув чашку на блюдце. — Я пришла к тебе не для того, чтобы слушать нотации или причита-

ния, какая я глупая и несносная. Сама это знаю. Я пришла, потому что соскучилась. Так почему мы все еще обсуждаем Аврору, вместо того чтобы целоваться?

Коул хмыкнул, но сдался, когда я вновь навалилась на него. На этот раз я действовала решительно, быстро завладев его губами, пока их не заняла очередная болтовня. Когда ветер усилился, а я замурлыкала от прикосновения рук Коула под своей рубашкой, он произнес:

— Я ненавижу себя за то, что не могу отправиться с тобой и защищать, как раньше.

Я знала, что рано или поздно эти слова прозвучат вслух. С тех пор как случилось то, что случилось, и мы вернулись в Вермонт, Коул ни разу не заговорил о своей беспомощности. Лишь постоянно рвался проявить самостоятельность, из-за чего на кухне билась посуда, а на его лбу выступали шишки от дверных косяков. Иногда я замечала, как тоскливо он водит пальцами по запястью, выискивая черную метку, которой было больше не суждено гореть.

— Пробыть атташе пару недель и сразу же уйти в отставку... — Коул рассмеялся, но смех его был печальным. Он поцеловал меня в шею, не закрывая слепых глаз, и я с раскаянием заглянула в них, не зная, что ответить. — Наверное, Гидеон был прав. Не зря родители хотели держать нас подальше от охоты. Раз уж так суждено... Буду ждать тебя дома. Возвращайся скорее.

Я сжала руку Коула, задержав взгляд на его пижамных штанах в шотландскую клетку, которые у него больше не находилось повода переодеть. Погода на улице стояла прохладная, но согревающие чары делали свое дело.

Все это... Все из-за меня.

Тряхнув головой и приподняв лицо Коула, я прошептала, надеясь, что мой голос не дрогнет от слез, которые я никак не могла выплакать с того самого дня:

— Ты все еще мой атташе. И, клянусь, я все исправлю! Я верну твое зрение, Вестники, ковен... Просто дай мне еще

немного времени. К концу недели мы вернемся в Берлингтон, а пока компанию тебе составят Гидеон и Сэм, хорошо? Знаю, никто из них не сравнится со мной по крутости времяпрепровождения, но... Исаак писал, что купил игральные карты для незрячих и ящик бельгийского пива, так что у вас планируется вечеринка. Обещай выпить хотя бы пару глотков и оторваться как следует! Чур, девочек не приглашать.

Коул даже не попытался улыбнуться в ответ. Поднявшись со скамьи, я помогла ему встать. Двигаясь заторможенно, он выставил вперед руку, боясь натолкнуться на угол мебели. Проведя его мимо чайного столика в балконную арку, я довела Коула до постели и осторожно усадила на подушки. Таймер на смартфоне закукарекал: бросив тоскливый взгляд на часы, я убрала дневник в тумбу и быстро закрыла балконную дверь.

— Ну же, выше нос! Как только вернусь, продолжим читать дневник Дэниэля. А еще у нас скоро праздник — *Остара*. Я покажу тебе, как его принято отмечать в моем ковене. Спойлер: кролик — тематическое животное, так что секс и размножение приветствуются. Будет здорово! — воскликнула я, наблюдая, как Коул вытягивается на мягкой постели, залившись пунцовым цветом, и что-то сбивчиво бормочет в ответ, поправляя пояс штанов. — Я люблю тебя, Коул.

Коул смягчался каждый раз, как слышал эти слова, и каждый раз повторял:

— И я тебя люблю. Будь осторожна.

Я глубоко вдохнула и покинула спальню со щемящей болью в сердце, оставив Коула в одиночестве.

Впущенный открытыми настежь окнами сквозняк гулял по коридорам. Март в Вермонте выдался едва ли не дождливее, чем октябрь: ливень шел сутками и всегда начинался внезапно, как по щелчку пальцев. Кажется, солнечным выдалось лишь одиннадцатое число, и то лишь благодаря мне.

